

13. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе. М.: РЕЦЭП, 2005. 199 с.
14. Огиенко Е.И. Влияние глобализации и интернационализации мировой экономики на развитие образования взрослых в странах СНГ // Человек и образование. 2006. № 7. С. 73–76.
15. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.А. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2002. 552 с.
16. Internationalisation and trade in Higher Education: Opportunities and challenges. OECD, 2004. URL: <http://intpr.ntf.ru>

**О.А. ДОНСКИХ, д. филос. наук,
профессор**

Где изысканность русской медлительной речи?

В статье показано, что в настоящее время снижается качество владения языком, что проявляется в разрушении языкового кода и в обезличивании коммуникации. Исторический опыт показывает, что национальный язык обогащается и развивается при серьезном государственном к нему отношении.

Ключевые слова: русский язык, качество владения языком, языковой код, русская культура XVIII века, система образования

«Во время процесса чтения стихотворений А.С. Пушкина наизусть на уроке литературы происходит роль “окультуривания” человека».

Из эссе при сдаче ЕГЭ 2013

Русский язык заметно теряет свое международное значение в ходе глобализации и доминирования английского. Если другие страны активно пропагандируют свой язык и культуру через специально созданные международные организации, такие как Alliances françaises или Goethe-Institut, то

аналогичных институтов Россия не выстраивает. При этом еще большее беспокойство вызывает отношение к родному языку внутри страны [1]. Приходится читать, например, такое: «Люди занимающиеся философией не ищут ради цели. Это интерес развития, она вложена в крови. Например есть,

очень много известных философов, например Лермонтов, которые не старались выделяться из толпы. И поэтому мы до сих пор узнаем о великих людях». Или: «Хочется сказать спасибо Льву Николаевичу, за то, что он до сих пор жив. Если живет творчество, если живут мысли, то жив и сам писатель». Как-то коряво живы Михаил Юрьевич и Лев Николаевич в памяти потомков. Подобные тексты, производимые в массовом количестве, заставляют задуматься о судьбе русского языка, о необходимости бережного отношения к нему, о его месте в отечественной культуре.

Очевидно, что русский язык переживает сейчас мощный наплыв англоязычной лексики, и, как бы ни было это неприятно пуристам, «промоутер», «девелопер», «шопер» и «веллнесс» с «фитнесом» все более уверенно чувствуют себя на отечественной почве. Что же касается лексики, связанной с компьютерами и Интернетом, то здесь русских слов нет по определению. Явление это не новое, несколько раз за свою историю русский язык переживал активное вторжение иноязычной лексики и в конце концов преображал ее в свою собственную. Действительно, привычная «контора» (из нем.) – не менее иностранное слово, чем почти привычный «офис» (из англ.). И вполне можно предположить, что слово «девелопер» для следующих поколений станет таким же родным, как пришедший к нам из Голландии «зонтик». Иначе говоря, сам по себе наплыв иностранных слов не является препятствием для развития языка, более того, он может способствовать его обогащению, внося новые смыслы и вынуждая осваивать новые сферы человеческой деятельности. Переводческая деятельность, вводя новые слова, аналогов которым нет в отечественном языке, играет неоценимую роль в обогащении словаря. Так что проблему нужно искать не в том, что слово «киллер» звучит чаще, чем «убийца».

Следует оговориться, что четких критериев развития или деградации языка нет.

По богатству лексического запаса русский язык остается, по крайней мере, на том же уровне, что и раньше. Кроме того, даже при сознательном запрете на использование определенной лексики она никуда не пропадает, оставаясь частью культуры. Так, использование церковнославянских слов и выражений в советское время не приветствовалось, однако ни «милосердие», ни «благодаяние», ни «сострадание» не исчезли.

Поэтому когда мы говорим о деградации, мы фактически имеем в виду, что снижается *качество владения языком*. Это выражение вряд ли можно назвать точным. Пожалуй, правильнее говорить об оскудении словаря определенных групп населения и т.п. Но и это еще не значит, что язык как таковой деградирует. Кроме того, когда мы говорим о качестве владения языком, мы подразумеваем скорее речь, нежели язык. А ощущение качества речи субъективно, хотя и есть некоторые моменты, безусловно поддающиеся анализу: это интонационное богатство, количество метафор, сравнений, поговорок, умение менять характер речи в зависимости от ситуации, употреблять более конкретные или более абстрактные слова в зависимости от контекста. Но данная статья не претендует на детальный анализ, в ней делается попытка лишь обозначить определенные аспекты проблемы.

Обратимся для начала к историческому опыту. Известно, что формирование нации связано со становлением государственного языка как одного из важнейших факторов национальной идентичности. Европейские государства начиная с эпохи Возрождения сознательно работают над совершенствованием языка, создают академии для его развития. Так, целенаправленная работа по совершенствованию французского языка велась с конца XV – начала XVI вв. Клод де Сейсель отмечал в 1509 г., что «французы считались варварами как в отношении своей морали, так и в отношении языка» [2, с. 205]. Критерии развития языка начал устанавливать гуманизм с его глу-

боким интересом к классическим языкам и их великой литературе. Французский этим высоким критериям не соответствовал. Эразм Роттердамский писал, что это варварский и неточный (irregular) язык, «в котором написание не соответствует произношению и грубые звуки и ударения которого вряд ли можно назвать человеческой речью» [2, с. 43]. Обвинения в культурном варварстве оскорбляли национальную гордость французов, и в качестве ответа на этот вызов началась активная работа по реформированию французского языка и созданию институтов по его изучению. Лингвистические проблемы стимулировали повышенный интерес французов к итальянскому Возрождению. Образцом для создателей Французской Академии стала Академия делла Круска, возникшая во Флоренции в 1582 г. Ее задачей было поддержание чистоты итальянского языка и создание *Vocabolario degli Accademici della Crusca* – первого словаря итальянского языка. При Франциске I идеи гуманизма, включая идею реформы языка, охватили высшие слои общества. Король учредил Академию классических языков, позже известную как «Коллеж де Франс». Позже, в 1635 г., была создана Французская академия. Кардинал Ришелье придал этот статус частному обществу, созданному Валантэном Корнармом, которое объединяло ученых, занимавшихся национальным языком, литературой и искусством. Предполагалось, что целью Академии будет определение таких ясных правил языка, что он будет способен представлять искусства и науки. По итальянскому образцу бессмертные французские академики создали первый словарь французского языка – *Dictionnaire de l'Académie française*, опубликованный в 1694 г.

В XVI–XVII вв. в Европе начинается повсеместное преподавание национальных языков, что связано еще и с распространением относительно дешевых печатных книг. До этого преподавались исключительно языки древние, необходимые для понима-

ния и обсуждения теологических проблем. Речь идет о расширении сферы использования национального языка, точнее, одного из его диалектов. В Англии это лондонский диалект, во Франции – северно-французский, который вытеснил провансальский диалект, в Испании – кастильский, в Италии – тосканский. В это время начинает расцветать литература на национальных языках. Но что понимать под совершенствованием языка? Конечно, это не изменение грамматики, здесь язык развивается самостоятельно и независимо (англичане вовсе не ставили сознательно вопроса о переходе к аналитическому языку). Для того чтобы стать государственным, язык, в основном используемый в быту, должен стать языком философии, науки, юриспруденции, теологии... Так ученые начали активно перерабатывать латынь – для того, чтобы использовать английский для написания научных трактатов. Например, сэр Томас Элиот в книге «Наставник», опубликованной в 1531 г., пишет, что ему проще было бы написать научный трактат на латинском, но он хочет доказать, что и на английском можно писать на эти темы [3, с. 32]. Для расширения словаря Элиот вводит латинские слова в англоизированной форме и объясняет их содержание. «Maturitas» превращается в «maturity», «colligo» – в «collect». Драматически расширяется ис-

пользование абстрактной лексики, с помощью которой писатели и поэты выражают все более сложное содержание. В ходе взаимодействия письменной и устной речи первая начинает все больше влиять на вторую. Пишутся грамматики национальных языков, и многие авторы пытаются доказать первенство происхождения своих языков по отношению к классическим.

Примерно то же самое происходит в XVIII в. и в России: несмотря на растущее влияние иностранцев и необходимость изучения иностранных языков для дворян, шла активнейшая работа по развитию русского языка. Через 10 лет после смерти Петра I, в 1735 г., при Академии наук была создана специальная организация для переводчиков – «Русская ассамблея», в работе которой принимали участие наиболее выдающиеся литераторы и поэты того времени. В том же году выходит знаменитый трактат В.К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором он доказывает, что силлабо-тоническое стихосложение соответствует природе русского языка. Он же доказывает первенство русского («словенского») по отношению к европейским языкам. Огромную роль в развитии литературного языка играют журналы, в которых сотрудничают известные писатели и поэты. Н.И. Новиков издает журналы «Трутенъ», «Живописецъ», «Санкт-Петербургские ученые ведомости», «Утренний свет», «Детское чтение». М.М. Херасков печатает журнал «Полезное увеселение», в который писали В.И. Майков, И.Ф. Богданович, А.А. Ржевский и др. Получив в аренду типографию Московского университета, Н.И. Новиков вывел издательское дело на новый уровень. Большое значение придается переводам. Печатается учительная и мистическая масонская литература, философские произведения, классики западной литературы. Продажи вырастают до двухсот тысяч книг ежегодно. А.П. Сумароков поднимает российский театр. При этом «следует учитывать почти повсеместную у авторов XVIII в.

просветительскую установку, в соответствии с которой сообщались многочисленные сведения из разных областей, разъяснялись термины и понятия и т.д. Обращения к “любопытному”, “охотно” познающему (“чтущему”) читателю характерны для многих произведений того времени» [4, с. 9]. Кроме того, литературный язык активно обогащается за счет народного языка. Ставятся комедии В.И. Лукина и Б.Е. Ельчанинова (не говоря уже о комедиях Д.И. Фонвизина и В.В. Капниста). В 1769 г. Н.Г. Курганов печатает свой «Письмовник», впоследствии неоднократно переиздававшийся, в который вошли народные поговорки и песни. М.Д. Чулков издает сборники сказок.

И, наконец, в 1783 г. была создана Академия Российская, которая повторяет историю отношения к национальному языку и литературе в Европе. Целью Академии было совершенствование языка и создание нормативного словаря. Историю ее создания княгиня Е.Р. Дашкова рассказывает так: «Однажды я гуляла с императрицей по Царскосельскому саду; речь зашла о красоте и богатстве русского языка; я выразила мое удивление, почему государыня, способная оценить его достоинство и сама писатель, никогда не подумала основать Русскую Академию. Я заметила, что только нужны правила и хороший словарь, чтоб поставить наш язык в независимое отношение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову. “Я удивляюсь сама, сказала Екатерина, почему эта мысль до сих пор не приведена в исполнение; подобное учреждение для усовершенствования русского языка часто занимало меня, и я уже отдала приказание относительно его”» [5, с. 239]. Княгиня предложила создать академию, взяв за образец одну из европейских (имея в виду, в частности, французскую или берлинскую). Нужно заметить, что на Академию пошла часть тех денег, которые императрица «из своей собственной шкатулки отпускала на перевод классических писа-

телей» [5, с. 241]. Е.Р. Дашкова передавала эти деньги русским профессорам – сотрудникам Академии, под руководством которых переводческая деятельность продолжалась. Очень быстро по любым меркам, всего за 11 лет, был создан первый толковый словарь русского языка со словником в 43 257 слов. Для того чтобы понять, сколько тщательно обсуждались принципы отбора слов для этого словаря, принципы их описания и т.д., стоит напомнить, что на собраниях Академии дискутировали по поводу замечаний, нужно ли включать в него имена собственных, в частности, имена отечественных святых и др. [6, с. 280 и далее].

Вся эта колоссальная работа по совершенствованию языка, способов выражения, упорядочиванию лексики и т.д. дала поразительные результаты. Достаточно вспомнить, например, с чего Тредиаковский начинал и его же поздние строки. Возьмем стихотворение 1725 г. «Описание грозы, бывшая в Гаге»:

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в воздухе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помutilи! [7, с. 166].

И его же строки через 27 лет (1752 г.) – «Парафразис Вторых песни Моисеевы»:

Вонми, о! небо, и реку,
Земля да слышит уст глаголы:
Как дождь я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на доли [7, с. 189].

Вторая половина века уже дает такие шедевры, как «Бог» и «Фелица» Державина, басни Хераскова, сочинения Фонвизина и т.д. Отдельно нужно вспомнить титаническую работу Н.М. Карамзина, который в стихотворении «Поэзия» (1787 г.) выра-

жает убежденность в будущем мировом значении русской литературы:

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла ноши мгла — уже Авроры свет
В **** блесит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,
Как в баснях Прометей тек к огненному
Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить [8, с. 63].

Это предчувствие мирового значения русской литературы выражает потом Пушкин. Если у Державина в «Памятнике»: «И слава возрастет моя, не увядая, Доколь славянов род вселенна будет чтить», то у Пушкина: «И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит». Все-славянская слава возрастает до всемирной. Именно в результате всей этой колоссальной работы над языком русская литература XIX в. становится одной из величайших в мире.

К этому нужно добавить еще одно принципиальное условие, без которого такого прорыва, безусловно, не произошло бы, – это национальная специфика, которая определилась всей предшествующей культурой, и в первую очередь – православием. Ценностные установки великой русской литературы задаются ее сочувствием «маленькому человеку», ее напряженным правдоискательством, ее предпочтением сердца разуму, ее установкой на поиск идеала. Это кардинально отличает ее от чисто развлекательной литературы, заставляет серьезно размышлять о жизни. Та философская глубина, которая характерна для классической русской литературы, делает писателей учителями жизни. Их так и воспринимала русская читающая публика. Достаточно напомнить о движении последователей Льва Толстого или о том значении, которое приобрел в русской культуре Достоевский. В свою очередь, серьезное от-

ношение к литературе определяло и трепетное отношение к языку.

В любом случае, литература не была просто развлечением. Точнее, литература оставалась и развлечением, но, наряду с развлекательной, появилась высокая литература, задававшая образцы. Да, был язык Хомякова и был язык его кучера. В течение века язык кучера стал языком Хомякова, но сам кучер продолжал говорить на своем бытовом. И гоголевский Петрушка продолжал читать книги, не понимая их содержания. Язык расслоился по уровням использования, и образованный слой задавал высокую модель его использования. Формируется языковой код (если использовать это выражение по аналогии с «дресс-кодом»), который диктует определенный уровень владения языком в разных ситуациях. Манера произношения и рисунок речи, использование специфической лексики и сравнений, знание классической литературы отличает высшие слои и группы населения. Можно вспомнить «Пигмалиона» Б. Шоу.

Что же происходит с качеством владения языком сейчас?

Во-первых, произошло разрушение языкового кода, его существенное усреднение. Уровень владения устной и письменной речью, который ожидается от образованных людей, сейчас резко снизился. Это проявляется в огромном количестве ошибок, в плохом интонировании при устном общении, в очень небрежном отношении к письменной речи. Так, редкая реклама, в которой текст превышает одно предложение, обходится без грамматических ошибок.

Во-вторых, речь становится все более безликой. Это особенно характерно для письма. Поскольку в школе практически не пишут сочинений и изложений, а эссе при свободном доступе к любым текстам и соответствующей возможности пользоваться методом “cut & paste” не сочиняют, а складывают в некое безличное целое. Господствуют серые усредненные тексты, за которыми не стоит личность автора. Тут кстати напо-

нить, что школьники в англоязычных странах пишут множество эссе по разным предметам. И никак не поощряется откровенное списывание или складывание текста из заимствованных кусочков. Это моветон.

В-третьих, знание классики оставляет желать много лучшего. Я постоянно сталкиваюсь со студентами, которые думают, что «Войну и мир» написал Достоевский (варианты – Тургенев и Гоголь), что Пушкин написал «Тараса Бульбу» и т.п. В лучшем случае учащиеся видели экранизации классических произведений. Но разница между кино и чтением очевидна. Читатель реконструирует в своем воображении мир, описываемый писателем. И делая это, он так или иначе соприкасается с языком, присущим тому или иному писателю. Отсюда, в частности, тот простой эффект представления литературных образов, который рождается при чтении. Читатель понимает, соответствует или не соответствует герой кинофильма тому образу, который он создал в своем воображении. Возникает многомерность. В кино же он зритель, которому не нужно визуализировать, представлять, который настроен на пассивное восприятие. И язык здесь вторичен, если не третичен. Иными словами, гениальные образцы языка классической литературы проходят мимо сознания. Остаются лишь сюжеты и ситуации. Это почти то же самое, что пересказать своими словами «Явление Христа народу» Иванова или, того паче, «Авиньонских девушек» Пикассо и считать, что это адекватная передача оригинала. Исчезает эффект слышания автора. Так, если хорошо знаешь человека, то, когда читаешь его тексты, возникает ощущение его голоса. А сложенные безличные тексты принципиально беззвучны.

Более того, *в-четвертых*, современное образование вообще не ставит своей целью воспитание позитивного и творческого отношения к родному языку. Об этом свидетельствует прежде всего низкий уровень учебников русского языка – неинтересных и, кроме того, демонстрирующих примеры

нейтральных серых текстов. Так, в одном популярном учебно-методическом пособии весьма значительный фрагмент текста на полторы страницы помечен как «По материалам Интернета» [9, с. 248]. Пример исключительный, но лиха беда начало, да и многие другие примеры для анализа подобраны из текстов авторов, не владеющих языком на уровне Бунина или Булгакова. Свою лепту вносит и профилизация, «благодаря» которой у негуманитарных профилей сокращаются часы на русский язык и литературу. Разумеется, нельзя не сказать и о ЕГЭ, подготовка к которому предполагает натаскивание вместо учебы. Добавим к этому практически полное отсутствие знания стихов наизусть.

Огромной проблемой студентов (я уж не говорю о школьниках) является неумение выделить главную мысль, обобщить прочитанное и, соответственно, составить конспект (тем более что можно сфотографировать написанное на доске или записать лекцию на мобильник). Для них характерно чисто ассоциативное нетворческое речепроизводство. «Возможно, что Пуанкаре назвал науку кладбищем, потому что в ней все процессы происходят очень медленно, чаще всего в науке все опыты проводятся без особого внимания, а многие так и не были опубликованы» или: «При мышлении мы развиваемся не только умственно, но и начинаем иметь представление о каком-либо бизнес-плане». И таких текстов большинство (примеры взяты из ответов ЕГЭ этого года). *Объяснить «авторам», что здесь неправильно, практически невозможно.*

В-пятых, согласно некоторым исследованиям, мамы в массовом порядке перестали читать малышам книги, поскольку куда проще по-

садить их перед телевизором или компьютером и включить мультики. Но мягко и естественно интонированная, мамина сказка задает совершенно другие образцы речи, не говоря уже о богатстве содержания.

В-шестых, Интернет заполнен ссылками на многочисленные сайты, предлагающие купить рефераты и другие работы. Официально зарегистрированные фирмы за плату пишут студентам рефераты, курсовые и дипломы. Все это избавляет не только от излишних усилий, но и от необходимости владеть русским языком. Общение в Интернете – это отдельная серьезная тема, поскольку там создается свой языковой код – без знаков препинания, с упрощенной лексикой и своим сленгом. Если человек умеет пользоваться и другими вариантами языковых кодов, то это нормально, но если это главный и почти единственный, то обеднение языка очевидно.

В-седьмых, усредненно-небрежное отношение к языку можно видеть в том разливанном море матерщины, которое захлестнуло практически все слои населения. Если раньше матерящиеся девушки-студентки были редчайшим исключением, то сейчас, проходя по коридору школы или университета, слышишь мат на каждом шагу, и не в споре и ругани, а в обычном разговоре. А во время семинара и сдачи экзамена

или зачета из уст молодого поколения периодически выпрыгивают паразитические «блины». И дело ведь не в том, что эти слова и выражения народ вдруг начал широко осваивать. Они существовали издревле, и И.А. Бодуэн де Куртенэ не случайно включил их в третье издание словаря В.И. Даля (обычно мы пользуемся репринтами второго издания). Но существовал

языковой код, запрещавший определенным группам населения использовать бранную лексику вне соответствующих ситуаций.

В-восьмых, важный показатель снижения уровня владения языком – тот факт, что образцы речи стали задаваться криминалом. «Феня» густо пронизала обычную нейтральную речь. Слова «опустить», «кинуть», «загнать», «авторитет», «замочить» ныне понимаются вполне однозначно, и вовсе не в литературном смысле. Редкий человек не знает таких слов, как «лох», «обצак», «стрелка» и т.п.

И, *наконец*, еще один аспект, менее заметный неспециалистам, но не менее значимый в общем плане. Язык является в речи в определенных интонациях. Эти интонации сильно различаются в разных культурах. Уже по интонационному рисунку мы можем легко отличить нашу речь от речи на иностранном языке. С этим связан, например, характер отечественных песен. Современная медиасреда оказывается неаутентичной. В результате новое поколение слышит совершенно чуждые русской речи интонации, многие из которых (рэп, хип-хоп, поп-музыка и т.п.) «приводят работу мозга в состояние примитивного транса и, снижая когнитивные функции, делают человека восприимчивым к упрощенным ... лозунгам и рекламному жаргону» [10]. Навязанные, неестественные для русской культуры образцы речи ведут к тому, что «у современных школьников преобладают

саркастические интонации, переходящие в откровенный цинизм, отсутствуют чувства возвышенности, восторга, вдохновения, эмоции и чувства романтической направленности» [10]. Может быть, самое опасное – это то, что интонационное упрощение, искажение производства и восприятия речи снижают уровень мыслительной деятельности, связанный с нашим языком.

Сказанное можно подытожить так: к языку нужно относиться ответственно, необходимо читать классику и размышлять о ней, учить стихи, стоит подумать об уроках риторики и логики, должна быть красивая и богатая в языковом отношении медиасреда и т.д. То есть необходима *государственная программа защиты и развития русского языка*.

Литература

1. Грицко М.И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. № 3(9). Т. 1. С. 63–72.
2. Wintroub M. Civilizing the Savage and Making a King: The Royal Entry Festival of Henri II. (Rouen, 1550) // Sixteenth Century Journal. 1998. № 29. 306 p.
3. Иванова И.П., Чахоян А.П. История английского языка. М.: Высшая школа, 1976. 319 с.
4. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX вв. М.: Наука, 1972. 320 с.
5. Воспоминания княгини Е.Р. Дашковой,

- писанные ею самой. Изд. третье. Лейпциг: Э.А. Каспрович, 1876. 328 с.
6. *Сухомятинов М.И.* История Российской академии. Вып. V. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1880. 432 с.
7. *Поэты XVIII века.* Л.: Советский писатель, 1958. 564 с.
8. *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
9. *Сенина Н.А.* Русский язык. Подготовка к ЕГЭ-2012. Ростов н/Дону: Легион, 2011. 524 с.
10. *Фетисова О.Г., Макуха В.К., Пузиков А.О.* К вопросу о коммуникативно-речевой компетенции школьников // Идеи и идеалы. 2013. № 17. Т. 2. (в печати).

**Д.О. СЕРОВ, д. истор. наук,
доцент**

Российские судьи и высшее юридическое образование

Статья посвящена истории введения в российское законодательство квалификационного требования о необходимости для судей высшего юридического образования. Анализ нормативных актов осуществлен в сочетании с кратким рассмотрением вопроса о развитии в России XVIII–XX вв. юридического образования. Приведены выборочные данные об образовательном уровне российских судей за 1851–1990 гг.

Ключевые слова: судьи, квалификационные требования, высшее юридическое образование, юридический факультет, юриспруденция, практическое законоведение

В сегодняшней России представление о том, что судьи должны непременно иметь высшее юридическое образование, можно с уверенностью считать общераспространенным, вполне укоренившимся на уровне повседневного сознания в качестве неколебимой аксиомы. Впрочем, в данном случае обыденное представление сочетается и с установлениями законодателя. Норма о том, что судьями могут быть лишь граждане, получившие высшее юридическое образование, обрела юридическую силу, только будучи закреплена в ст. 119 Конституции РФ [1]. Между тем в обозримом историческом прошлом должность судьи в нашей стране далеко не столь однозначно связывалась с наличием не только юридического, но и вообще какого-либо образования.

Зарождение отечественного судейского корпуса (обусловленное формированием обособленной судебной системы в государственном механизме) произошло около трехсот лет назад в ходе проведения судебной реформы Петра I. Не останавливаясь на подробностях этого события (они были

специально освещены в рамках иной работы [2]), хотелось бы отметить, что, осуществив радикальное преобразование судебного устройства и учредив – по образцу Швеции – систему судов общей юрисдикции, первый российский император так и не выработал какие-либо квалификационные требования к новоявленным судьям.

Как следует из архивных материалов,

